

УДК 82(091)

*Е.Ю. Шестакова***ДУХОВНЫЙ «ПОРТРЕТ» РУССКОГО НАРОДА ГЛАЗАМИ РЕБЕНКА
В РАССКАЗАХ И. С. ШМЕЛЕВА 1934–1937 гг.**

В настоящей статье раскрываются особенности художественного воплощения духовного «портрета» русского народа в рассказах писателя первой половины XX в. И.С. Шмелева «Небывалый обед», «Мартын и Кинга», «Лампадочка» и «Страх», созданных в 1934–1937 гг. В исследуемых текстах автор избирает особый повествовательный дискурс, при котором народные образы предстают с точки зрения автобиографического героя-ребенка. Сюжетной основой произведений выступают детские воспоминания писателя. Мировосприятие героя-ребенка, лежащее в основе художественной структуры рассказов, отличает ограниченное знание об изображаемых событиях и поступках взрослых персонажей. В результате народные образы, воссозданные в текстах, получают юмористическую окраску. Яркость и самобытность речевых характеристик свидетельствует о высоком мастерстве писателя в изображении народных персонажей. Духовно-нравственный «портрет» русского народа, представленный в рассматриваемых произведениях, содержит характеристики честности, открытости, искренности, порядочности, праведности и глубокой веры в Бога.

Ключевые слова: И.С. Шмелев, рассказы, образ ребенка, духовный «портрет», образ русского народа.

DOI: 10.35634/2412-9534-2021-31-3-571-577

Образ русского народа занял центральное место в художественном творчестве писателя русского зарубежья Ивана Сергеевича Шмелева (1873–1950) уже в ранних произведениях. Как пишет А.М. Любомудров, его рассказы и повести 1906–1911-х гг. («Вахмистр», 1906; «Иван Кузьмич», 1907; «Гражданин Уклеикин», 1908; «Человек из ресторана», 1911 и др.) «охватывают многоликую, многоцветную Россию» [3, с. 11]. В некоторых из них («Служители правды», 1906; «В новую жизнь», 1906; «Гассан и его Джеджи», 1906; «Распад», 1907; «Однажды ночью», 1910; «Солдат Кузьма», 1913) образ народа предстает в неразрывной связи с образом детства.

Тема детства и детские образы входят в поле художественного внимания писателя довольно рано, начиная с первых публикаций в журналах «Детское чтение» и «Русская мысль». Детство осмысливается автором как время душевной чистоты, неподдельного интереса к окружающему миру и людям, открытости, искренности в проявлении чувств и совершении поступков. Мировосприятие ребенка вступает в оппозиционные отношения с мировидением взрослых персонажей повестей и рассказов раннего И.С. Шмелева, герой-ребенок, в отличие от взрослого, оказывается духовно близок природе и Богу. Образы героев из народа, появляющиеся в произведениях писателя доэмигрантского периода, наделяются качествами, присущими детям, – любовью, состраданием, умением сочувствовать и сопереживать, тонко чувствовать состояние окружающего живого мира. Все это является основанием для духовного сближения героев-детей и взрослых персонажей из народа (к примеру, в рассказах «Мэри», 1907, «Липа и пальма», 1912), делая и тех, и других воплощением лучших человеческих качеств.

В последующем творческом периоде, относящимся к годам эмиграции, установка писателя на раскрытие образа русского народа, тесно смыкающегося с образом детства, получает широкое развитие и продолжение. И.А. Ильин, известный русский философ, критик, друг И.С. Шмелева и восторженный ценитель его произведений, отмечал: «Какая радость, какое богатство – подслушать национально-духовный акт своего народа и верно изобразить его! Внять ему, принять его и утвердить его, как основу своего – личного и общенационального бытия... художественно или философически закрепить его; показать творческий уклад своего народа; как бы очертить его лик в обращении к Богу и нарисовать его духовный «портрет» в отличие от других народов» [2, с. 5–6]. Он считал, что И.С. Шмелев в книгах выразил «свое, глубокое, предметно-выстраданное и непреходящее слово ... о русскости русского народа» [2, с. 6].

Период эмиграции для И.С. Шмелева стал временем тяжело и остро переживаемого расставания со всем, что было горячо любимо и дорого сердцу, – родным домом, Замоскворечьем, где прошло детство, Россией. Тоска по утраченным «святыням» породила внутреннюю потребность создать художественные произведения, позволяющие вернуться силой творческого воображения в прошлое, ушедшее навсегда. Прежде всего память писателя «воскрешала» счастливые детские годы, проведен-

ные в тесной близости с народом, образы наставника Михаила Панкратовича Горкина, приказчика Василия Васильевича Косого, кучера Антипушки, солдата Дениса, Маши, кухарки Марьюшки, плотника Мартына, учителя-англичанина Кинга, нищих, часто приходивших в гостеприимный дом, и многих других.

В «Автобиографии» И.С. Шмелев вспоминал: «В нашем доме появлялись люди всякого калибра и всякого общественного положения. Во дворе стояла постоянная толчея. Работали плотники, каменщики, маляры, сооружая и раскрашивая щиты для иллюминации» [5, с. 500]. В особенности вспоминался писателю неповторимый народный язык: «Слов было много на нашем дворе – всяких. Это была первая прочитанная мною книга – книга живого, бойкого и красочного слова» [5, с. 500]. Именно в детстве сформировалась и утвердилась любовь И.С. Шмелева к русскому народу: «Здесь, во дворе, я увидел народ. Я здесь привык к нему и не боялся ни ругани, ни диких криков, ни лохматых голов, ни дюжих рук. Эти лохматые головы смотрели на меня очень любовно. Мозолистые руки давали мне с добродушным подмигиваньем и рубанки, и пилу, и топорик, и молотки... Много повидал я на нашем дворе и веселого и грустного... Здесь я получил первое и важное знание жизни. Здесь я почувствовал любовь и уважение к этому народу, который всё мог» [5, с. 500].

Так появляется яркий, самобытный духовный «портрет» русского народа, увиденный глазами ребенка, в самом известном романе И.С. Шмелева «Лето Господне» (1933–1948) и повести «Богомолье» (1930–1931), объединенных общими героями, ценностно-духовным содержанием и особым повествовательным дискурсом в диалогию. Одновременно с названными произведениями на протяжении 1934–1937 гг. писатель создает ряд небольших по объему рассказов («Небывалый обед», «Мартын и Кинга», «Лампадочка», «Страх»), в которых изображаются хорошо узнаваемые народные персонажи диалогии, данные из перспективы автобиографического героя-ребенка.

Рассказ «Небывалый обед» (1934) построен как юмористическая зарисовка подготовки и проведения торжественного «обеда», организованного отцом маленького героя в честь своего бывшего учителя англичанина Кинга. Юмор в произведении связан прежде всего с особенностями детского мировосприятия. Герой-ребенок еще в полной мере не способен понять смысл происходящих событий, в связи с чем его вопросы, строящиеся по законам «детской» логики, вызывают улыбку у читателя: «Это почему небывалый? Он важный, англичанин? На царя похож, а?» [6, с. 351]. Следующий за этими вопросами диалог мальчика с Горкиным, содержащий прием недопонимания, также носит юмористический характер: «Еще чего скажи – на царя... набрал денег с дураков, а ему уважение» – «С каких дураков, почему?» – «А, ну тебя...» [6, с. 351]. Необычность детского мировосприятия, придающего тексту юмористическую окраску, проявляется в использовании слова «страшное», применяемого маленьким героем и для характеристики глаз повара Гараньки «из Митрева трактира», увлеченного приготовлением «небывалого обеда», и в отношении глаз «пахнущего водкой» Василия Васильевича Косого [6, с. 354, 356].

Повествовательный дискурс героя-ребенка становится ведущим при описании всех взрослых персонажей произведения, в результате чего каждый из них получает юмористическую трактовку. Комичен образ Василия Васильевича Косого, характеристика которому дается мальчиком, повторяющим «взрослые» слова: «Просовывается в дверь вихрастая голова Василь Василича, глаз весело стреляет, распухшее лицо красно, – Косой уж успел заправиться» [6, с. 352]. Насыщенная юмором речь героя, состоящая из ярких народных выражений («На какие-то кеки-пряники ананасов затребовав...»), с легкостью воспринимается маленьким героем, проникая в его личный лексикон («Разносят кофе в какими-то “кеки-пряниками”, на ананасе» [6, с. 353, 356]).

Юмористическую интерпретацию получает образ «рыжего Гараньки», с «глазами зелеными, дерзкими», называемого мальчиком вслед за Горкиным «живым разбойником» [6, с. 352]. За невзрачной, нелепой внешностью героя («На нем сальный пиджак без пуговиц, гороховые панталоны, легкие; калоши на босу ногу: в волосатом кулаке картуз с согнутым козырьком, похожим на копытце» [6, с. 352]) скрывается человек с чувством собственного достоинства, который обижается, когда окружающие не верят в его кулинарные таланты. Мягкими юмористическими красками обрисован образ кухарки Марьюшки, воспринимающей Гараньку «нечистой силой», получающей в утешение от маленького героя «картинку в поминанье, как душа по мытарствам ходит» [6, с. 353]. В рассказе «Небывалый обед» в полной мере проявилось мастерство писателя в передаче народного языка, в котором «звучит и поет открытость русской души, простота и доброта русского сердца, эмоциональная подвижность и живость изображения, присущие русскому народу» [2, с. 15].

Наблюдение героя-ребенка за забавной сценкой общения «бывшего барина» Энтальцева и англичанина Кинга становится важной смысловой доминантой рассказа. Эпизод строится с помощью приема имитации слов английского языка, вызывающего комический эффект. Слушателям этого диалога (гостям и постоянно живущим в доме людям) важно сделать очевидным чуждость, некрасивость английского языка и его носителя – «лысого, сухого» [6, с. 355] англичанина, раскрыть его отталкивающую неупорядоченность, откровенную глупость, склонность к несправедливому обогащению, обману и тщеславию. Осмеяние английского языка становится средством утверждения духовно-нравственного превосходства русского народа. В глазах присутствующих Энтальцев, разорившийся «барин», старающийся сохранить остатки личного достоинства, вызывает большее уважения, нежели хитрый, изворотливый, нечистый на руку Кинга.

В финале рассказа, где в прямом смысле осрамлен ненавистный всем англичанин, получает завершение главная идея произведения – духовная сила русского народа заключается в том, что каждый свой поступок он соизмеряет с Божьей волей. Слова Горкина («такой ему дар от Бога» [6, с. 351]) определяют вектор духовно-нравственного движения мыслей и чувств русского человека, получающего все, что он имеет, не по собственному произволению, а от Бога. И эти дары (выдающийся кулинарный талант, плотницкое мастерство, материальный достаток) оказываются в основе своей праведны и чисты. Если Божий дар используется в целях тщеславного хвастовства, личной наживы, отягощается использованием обманных действий или просто не ценится, безответственно расходуется и впустую распыляется, то человек за это строго наказывается, или, по словам Василия Васильевича, «израсходуется» [6, с. 354].

В рассказ включена небольшая портретная зарисовка отца героя-ребенка, который дается с точки зрения Горкина и мальчика. Для Михаила Панкратовича хозяин является непререкаемым нравственным авторитетом. Горкину важно, чтобы Сергей Иванович не услышал, как он неуважительно отзывается об англичанине Кинге. Старый наставник не хочет, чтобы его личное мнение, идущее вразрез с представлениями хозяина, стало причиной их конфликта. Заданная повествовательная перспектива, в центре которой находится мировосприятие героя-ребенка, включает образ отца в общую юмористическую атмосферу рассказа. Так, Сергей Иванович, реагируя на капризы повара Гараньки, протяжно произносит букву «с» («Вот с... с...! – говорит отец и сбрасывает костяшки-счеты» [6, с. 352]), вызывая смех читателя. Он «отчитывает Косого», считая его виновником недоразумения, произошедшего во время «небывалого обеда», называет «мошенником» [6, с. 357]. Примечательно, что Сергей Иванович, будучи хозяином дома, не выбивается из общей картины народных образов, представленных в тексте. Он, близкий народу по духу и мировоззрению, никого не наказывает и ни над кем не возвышается, воспринимая все происходящее с добродушным юмором.

Духовная красота и сила русского народа раскрывается в рассказе «Мартын и Кинга» (1934), связанного с предыдущим текстом общими сюжетными эпизодами и повторяющимися героями. Произведение, написанное от лица семилетнего героя-ребенка и построенное как автобиографическая проза, включает объемный монолог Горкина о «поединке» Мартына-плотника и англичанина Кинга. В этой истории роль хозяина занимает дедушка мальчика – Иван Иванович, чей образ наполнен необыкновенной теплотой и любовью. Дед работает наравне со всеми, так же, как и Сергей Иванович, не возвышаясь над своими работниками. Он обладает горячим нравом, не выдерживая хвастливого поведения чужеземца, призывает отстоять честь русского народа. В завершении «поединка» щедро выплачивает оговоренные ранее деньги.

Центральными народными образами рассказа становятся работник строительной артели Ивана Ивановича Мартын и англичанин Кинга – бывший учитель Сергея Ивановича. Симпатии Горкина-рассказчика выражаются в портретных описаниях соревнующихся героев: уверенная, спокойная богатырская мощь Мартына («большой был силы: свайную бабу, бывало, возьмет за проушину средним пальцем и отшвырнет, а в ней к тридцать пудам») противопоставляется показному тщеславию Кинга, который «выкручивается так», что «прямо в цирке показывать себя мог» [6, с. 361]. Повторяющаяся портретная деталь («ощерил зубы», «щерится», «защерился») получает негативное значение, уподобляя англичанина «рыжему псу» [6, с. 361] или хитрой лисе.

Склонность Кинга к получению наград («у него три медали с разных земель, прыг золотой»), пустая «ученость» («форменно умел плавать, по-ученому» [6, с. 361–362]), стремление к достижению поставленной цели обманным путем проявляются в ходе всего «поединка». Напротив, в Мартыне рассказчик подчеркивает внутреннее достоинство, основательность («... все саженками вымеряет, не

торопясь, с прохладцей, чи-сто, отчетливо, будто сажнем накидывает»), умение быть великодушным, прощать, отказаться от личной выгоды («Дает Мартыну двадцать рублей, обещанные, и еще четвертной, за Кингу. Только Мартын не взял, – это не порядок, говорит... И награду не взял» [6, с. 362–364]). Горкин строит повествование таким образом, что для его юного воспитанника становится очевидно: победа Мартына над Кингой определяется честностью, нестяжательностью, порядочностью простого русского человека из народа, стремлением соотносить свои мысли и поступки с Божественными нравственными законами.

Вместе с тем жизненные пути героев-соперников выстраиваются по-разному: англичанин, наживший богатство «неправдой», оказывается в почете у состоятельных людей, Мартын умирает в неизвестности и бедности, зажав в руке один «царский золотой» [6, с. 364]. Духовное наставление Горкина, преподаваемое мальчику в завершении рассказа, полно глубокого смысла. Михаил Панкратович раскрывает герою-ребенку христианское понимание жизни и смерти человека, состоящее в посмертном воздаянии за праведность или греховность земного бытия. Кинг получает награду на земле, Мартын за свое стремление к духовной чистоте и честности обретет вознаграждение от Господа в вечной жизни.

Второстепенными народными образами рассказа являются солдат Денис, «который приносит (в дом героя – Е.Ш.) живую рыбу на кухню» [6, с. 358], и крестница Горкина Маша. Их игры («Денис... сразу толкает Машу. Она взвизгивает, хватает Дениса за рубаху, и оба падают на плоты»), недомолвки, проявление заботы («Денис приносит из домика-хибарки, у которого стоят, выше крыши, красно-белые весла, новую рогожу и накрывает Машу»), подсмеивание («– Вот тебе шуба бархатная, покуда рогожи не купил... Будешь тогда корова в рогоже, всех мне дороже!») [6, с. 358], выдают взаимную симпатию двух молодых людей. Все это снова остается за гранью детского понимания, воспринимается просто как странные отношения взрослых. Вместе с тем для героя-ребенка открывается красота и естественность любви юноши и девушки из народа, искренность их чувств и поступков.

Сюжетная линия отношений Дениса и Маши продолжена в рассказе «Лампадочка» (1936). Молодой солдат предстает в состоянии, когда он, по меткому выражению окружающих, «совсем без головы стал!» и «душа у него не на месте» [7, с. 175]. Герой-ребенок по-прежнему пребывает в недоумении, почему так мучается Денис. Главный вопрос, который задает себе мальчик, – из-за чего Маша отказывается выйти за парня замуж, выбирая «конторщика», и одновременно не спешит исполнить свое решение. Странные «игры» взрослых удивляют ребенка, но он чувствует, что за этим скрывается глубокая, не проясненная пока драма жизни.

Образ Горкина становится центральным в рассказе «Лампадочка», своеобразие идейно-художественной структуры которого определяют мотивы покаяния и любви к ближнему. Герою-ребенку вновь определена роль слушателя, на первый план выходит монологический рассказ Михаила Панкратовича о раскаявшихся убийцах и молитвенном труде по их духовному спасению. Важное значение в рассказе обретает образ-мотив лампы, вынесенный в заглавие произведения. В «каморке» Горкина никогда не угасают огоньки лампад, маленький герой, навещая старого наставника, видит «"водяную лампаду", розовенькую, Петру и Павлу», лампаду, зажженную «Михаил-Архангелу», которая «сбочку висит» [7, с. 174].

Лампада – традиционный и важный атрибут домашнего пространства верующего христианина. Она зажигается в воспоминание о Божественном свете (Господь Иисус Христос о себе сказал: «Я свет миру», Ин. 8: 12), который духовно согревает и исцеляет человека. Одновременно это и память о свете, исходящем от святых, пронизанных светом Божественной любви. В православии лампада получает символическое осмысление, является воплощением «гласа» Господа, призывающего грешную душу встать на истинный путь исправления, покаяния, праведности, любви и милосердия. Она становится своеобразной «малой жертвой» человека, приносимой Спасителю в благодарность за его Искупительную Жертву. Огонь лампы напоминает молящемуся, что только свет Господа может действительно «разжечь» его сердце и наполнить стремлением к добру и духовной чистоте.

Сам Горкин объясняет, что лампада в доме необходима, так как ее «святой огонек теплит – и душе весело, и от дурного отнесет, а то и человека пожалеешь» [7, с. 173]. Особенное значение старый наставник придает «синенькой... покаянной лампадочке», огоньку которой «невесело, ... скорбит словно» [7, с. 364]. Эта лампада зажигается в молитвенное поминовение «бутошника» Алексея Зубарева и его супруги Домны Ивановны, которыми настолько овладел грех сребролюбия, что они стали совершать страшные преступления – грабить и убивать. Сами супруги не смогли справиться со страстью к наживе, их остановило только тюремное заточение и пребывание на каторге. При этом покаяние супру-

гов стало полным и искренним: «Плакали на суде, греха страшно стало» [7, с. 182]. Горкина, как истинного христианина, потрясает не тяжесть совершенных Зубаревыми преступлений, а их глубокое раскаяние, способность полностью признать свою вину и искупить ее через страдание: «Их на Конную возили страмить на всем народу, и на грудь им дощечку повесили, и написали: «Душегубы», и к столбу ставили, и в барабаны били. Они вставали на колени и народу кланялись, молили: «Простите, православные, нас, душегубов... согрешили мы незамолимо... помяните убиенных...» [7, с. 183].

Мотив кающегося грешника, связанный с Евангельским сюжетом о разумном разбойнике (Лк. 23: 32–43), определяет основное ценностно-смысловое содержание произведения. В рассказе Горкина, адресованного маленькому воспитаннику, раскрывается духовная красота русского народа, способного, вслед за Господом, простить грешника, принесшего искреннее покаяние: «... да Господь вон разбойника на кресте простил, в рай призвал, за одно слово – покаяние... Им народ денег все клал, на помин души» [7, с. 183]. Михаил Панкратович предстает как лучший представитель русского народа, потрясенный судьбой Зубаревых, он делает все для их утешения: «Сходил я навестить их в отроге. Жалко, тоже человеческая душа» [7, с. 182]. Праведность Горкина осознают и Зубаревы, Домна Ивановна, высказывая просьбу об их молитвенном поминовении, с твердостью произносит: «... ваша молитва доходчива» [7, с. 183]. Михаил Панкратович, полный глубокого христианского смирения, отвечает: «Ну, чья доходчивей, это Господь знает» [7, с. 183]. В образе Горкина писатель воплотил представление о том, что «православная вера, живущая в народе», является «чертой национального характера» [4, с. 244]. Главной задачей автора явилось раскрытие «духовных движений» в герое [1, с. 678].

Другая сторона натуры Горкина раскрывается в рассказе «Страх» (1937), посвященном восприятию героем-ребенком и окружающими его людьми убийства царя Александра II. Событие, запечатленное в произведении, показано из нескольких точек зрения, из разных мировоззренческих перспектив. Восприятие ребенка сосредоточено на тающей «снеговой горе в саду», «”жавороночкам“ к чаю» [7, с. 185], радостном настроении, которое быстро сменяется грустью. Происходящие перемены в поступках взрослых остаются непонятны маленькому герою, «печальный Горкин» [7, с. 185], обычно любящий Великий Пост, вызывает у него чувство недоумения. Тревожные слова кучера Гаврилы о неких «энтих», которые «по чердакам хоронятся» [7, с. 185], пробуждают в ребенке множество вопросов. Мотив недопонимания пронизывает все внутренние монологи мальчика, отражающие своеобразие «детской» логики и повторяющие услышанные «взрослые» разговоры: «Про *энтих* я что-то знаю. Это, пожалуй, *мигилисты*, которых мясники бьют... Еще я знаю, что они какую-то *химию* вытворяют, гоняют зеленый дым... А про *мигилистов* у нас и на дворе говорят, ругаются» [7, с. 186].

Детское сознание, вбирающее множество мнений окружающих людей, оказывается не способным дать им личную оценку. Слова горничной Нади, Горкина, кучера Антипушки о произошедшем убийстве, о брате Лене, общающимся с «мигилистами», принимаются мальчиком на веру и не подвергаются критическому осмыслению. Вместе с тем герой-ребенок чутко улавливает гнетущую атмосферу страха и тревожности, установившуюся в разговорах и поведении взрослых. Мальчик отмечает перемену в поведении «известного озорника» дворника Гришки, который не дерзает шутить в такой момент, а, напротив, строго одергивает: «Не ори, разве про *это* можно орать?!» [7, с. 188]. Он внутренне преображается, обретает «строгий» вид, надевает «медную бляху» на картуз и весит на шею «свисток железный, для скандалов, когда надо опасных людей ловить» [7, с. 188]. В совершенно расстроенном состоянии пребывает приказчик Василий Васильевич Косой, позволяющий выпить «смирновки» в Великий Пост, хотя «всегда принимает зарок» [7, с. 189] не употреблять спиртного в это время.

Герою становится понятно, что «мигилисты» совершили страшное преступление – убили «помазанника Божия», уподобленного «угодникам», «святым людям» [7, с. 189]. Этот святотатственный поступок свидетельствует об отказе преступников от веры в Бога, что более всего потрясает окружающих героя-ребенка взрослых. Василий Васильевич и Антипушка говорят о наступлении «страшного времени» [7, с. 191], когда люди, открыто выступающие против установлений Бога, нарушают главные нравственные законы.

Образ Горкина, представленный в рассказе, нетипичен, выбивается из устоявшихся представлений о герое как смиренном мудром праведнике, глубоко верующем простеце. Он, пребывая в состоянии сильнейшего нравственного потрясения, горько восклицает: «Господь попустил *такое... злое дело!*» [7, с. 188]. По сути, Михаил Панкратович упрекает высшие силы в несправедливости, попустительстве злу, отсутствии стремления защитить того, кто «особенный», «особенно близкий к Богу» [7, с. 188]. Здесь Горкин изображается обычным человеком, чья вера может колебаться под влия-

нием трудных внешних обстоятельств. В финале рассказа ребенок видит не привычного прощающего и милующего Горкина, а страстного обличителя зла. При этом старый наставник с любовью отзывается об умершем хозяине (отце героя-ребенка), пребывая в твердой уверенности, что тот помилован Господом и находится «в раю», так как «кому же и в раю-то не быть, если не таким... ни одного человека не обидел, все о нем молятся» [7, с. 187]. В отношении же убийц царя речь Горкина полна осуждения и гнева: «Надо людей жалеть, а *энти* уж и не люди стали, душу продали князю зла. *Энти* все законы преступили, и для них нет милости – закона» [7, с. 192]. Примечательно, что в речи героя преступники называются не прямо, а опосредованно, обобщающим словом «энти», выделенным в тексте курсивом. Горкин, связывая убийц с нечистой силой, страшится произносить вслух имена людей, сознательно и бесповоротно выбравших путь зла. В восприятии Михаила Панкратовича они обретают inferнальную окраску, превращаясь в страшную демоническую силу.

Герой настаивает на суровости наказания преступников, совершивших страшное кощунство: «На них не закон, а страх надо» [7, с. 192]. Образ-мотив страха в речи Горкина обретает многозначность, осмысляется как физическое и духовно-нравственное наказание, неизбежная мера воздействия на погибшие человеческие души. Вместе с тем Михаил Панкратович остается верующим христианином, говоря о необходимости применения властями всей строгости «земного закона», он отдает право последнего решения Богу: «... а там... Господь рассудит правдой Своей» [7, с. 192]. Шрифтовое и смысловое выделение слова *там* в речи героя обретает символическое значение, осмысляется пространством посмертного существования человека, где действуют законы единственно верного и справедливого Суда Божия.

Таким образом, И. С. Шмелев в рассказах эмиграционного периода «Небывалый обед», «Мартын и Кинга», «Лампадочка», «Страх» воссоздал неповторимый духовный «портрет» русского народа, увиденный из перспективы героя-ребенка. Избранный повествовательный дискурс, в центре которого находится эмоциональное детское мироощущение и мировидение, отличающееся предельной искренностью, позволил писателю раскрыть уникальные духовно-нравственные качества русского народа – любовь к ближнему, милосердие, сострадание, умение прощать, прийти на помощь в трудной ситуации, честность. Своеобразие природы простого русского человека в шмелевских рассказах проявляется в широком разнообразии испытываемых и проявляемых чувств – от мягкого, добродушного юмора до страстного гневного обличения. Особое место в рассматриваемых произведениях занимает живая народная речь, насыщенная яркими выражениями и словами, позволяющая передать весь спектр чувств и мыслей героев. Образы дедушки и отца героя-ребенка включены в общий круг народной жизни, воссозданной в рассказах. Главной характеристикой русского народа становится глубокая искренняя вера в Бога, осознание православия ключевой ценностно-смысловой доминантой духовной жизни.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дунаев М.М. Вера в горниле сомнений: Православие и русская литература в XVIII – XX веках. М.: Издательский совет Русской Православной церкви, 2002. 1055 с.
2. Ильин И.А. Творчество И.С. Шмелева // Шмелев И. С. Собрание сочинений в одной книге. М.: ЗАО Фирма «Бертельсманн Медиа Москау АО», 2013. С. 5–56.
3. Любомудров А.М. Иван Сергеевич Шмелев. Биография // Духовный путь Ивана Шмелева: статьи, очерки, воспоминания. М.: Сибирская Благовонница, 2009. С. 9–20.
4. Любомудров А.М. Богоищущая душа. Духовное и мирское в творческой судьбе И.С. Шмелева // Духовный путь Ивана Шмелева: статьи, очерки, воспоминания. М.: Сибирская Благовонница, 2009. С. 227–282.
5. Шмелев И.С. Автобиография // Шмелев И. С. Лето Господне. М.: АСТ: Олимп, 1996. С. 500–503.
6. Шмелев И.С. Собрание сочинений в одной книге. М.: ЗАО Фирма «Бертельсманн Медиа Москау АО», 2013. 832 с.
7. Шмелев И.С. Повести и рассказы. М.: Ника, 2015. 416 с.

Поступила в редакцию 12.11.2020

Шестакова Елена Юрьевна, кандидат филологических наук
Центральная библиотека имени Н.В. Гоголя
164500, Россия, Архангельская область, г. Северодвинск, пр. Ломоносова, 100
E-mail: shestackova.lena2013@yandex.ru

E.Yu. Shestakova

**SPIRITUAL “PORTRAIT” OF THE RUSSIAN PEOPLE THROUGH THE EYES OF A CHILD
IN THE STORIES OF I.S. SHMELEV 1934–1937**

DOI: 10.35634/2412-9534-2021-31-3-571-577

This article reveals the features of the artistic embodiment of the spiritual «portrait» of the Russian people in the stories of the writer of the first half of the XX century I.S. Shmelev “Unprecedented dinner”, “Martin and Kinga”, “Lampadochka” and “Fear”, created in 1934–1937. In the studied texts, the author chooses a special narrative discourse, in which folk images are presented from the point of view of the autobiographical hero – a child. The plot of the works is based on the writer's childhood memories. The worldview of the child hero, which is the basis of the artistic structure of the stories, is characterized by limited knowledge of the depicted events and actions of adult characters. As a result, folk images recreated in texts get a humorous color. The brightness and originality of speech characteristics testifies to the writer's high skill in portraying folk characters. The spiritual and moral «portrait» of the Russian people presented in these works contains characteristics of honesty, openness, sincerity, decency, righteousness and deep faith in God.

Keywords: I.S. Shmelev, stories, image of a child, spiritual “portrait”, image of the Russian people.

REFERENCES

1. Dunaev M.M. Vera v gornile somnenij: Pravoslavie i russkaja literatura v XVIII–XX vekah [Faith in the crucible of doubt: Orthodoxy and Russian literature in the XVIII–XX centuries]. Moscow, Izdatel'skij sovet Russkoj Pravoslavnoj cerkvi, 2002, 1055 p. (In Russian).
2. Il'in I.A. Tvorchestvo I.S. Shmeleva [Creativity of I. S. Shmelev]. Shmelev I. S. Sbranie sochinenij v odnoj knige [Collected works in one book]. Moscow, ZAO Firma «Bertel'smann Media Moskau AO», 2013, pp. 5–56. (In Russian).
3. Lyubomudrov A.M. Ivan Sergeevich Shmelev. Biografiya [Ivan Sergeevich Shmelev. Biografiya]. Duhovnyj put' Ivana Shmeleva: stat'i, ocherki, vospominaniya [The spiritual path of Ivan Shmelev: articles, essays, memoirs]. Moscow, Sibirskaya Blagozvonnica, 2009, p. 9–20. (In Russian).
4. Ljubomudrov A.M. Bogoiishhushhaja dusha. Duhovnoe i mirskoe v tvorcheskoj sud'be I.S. Shmeleva [God-seeking soul. Spiritual and worldly in the creative life of I.S. Shmelev]. Duhovnyj put' Ivana Shmeleva: stat'i, ocherki, vospominaniya [The spiritual path of Ivan Shmelev: articles, essays, memoirs]. Moscow, Sibirskaja Blagozvonnica, 2009, pp. 227–282. (In Russian).
5. Shmelev I.S. Avtobiografiya [Avtobiografiya]. Shmelev I. S. Leto Gospodne [«Summer of the Lord»]. Moscow, AST: Olimp, 1996, pp. 500–503. (In Russian).
6. Shmelev I.S. Sbranie sochinenij v odnoj knige [Collected works in one book]. Moscow, ZAO Firma «Bertel'smann Media Moskau AO», 2013, 832 p. (In Russian).
7. Shmelev I.S. Povesti i rasskazy [Novellas and short stories]. Moscow, 2015, 416 p. (In Russian).

Received 12.11.2020

Shestakova E.Yu., Candidate of Philology
Central Library named after N.V. Gogol
Prosp. Lomonosova, 100, Arkhangelsk region, Severodvinsk, Russia, 164500
E-mail: shestackova.lena2013@yandex.ru